

УТОПИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. П. СУМАРОКОВА «СОН. СЧАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО»

Жанр утопии в русской литературе начинает активно развиваться с XVIII в., хотя утопические мотивы рая, праведной земли и прочие были характерны и для ряда древнерусских сочинений. Утопия как проект социального переустройства предлагает умозрительный образ, в котором воплощается представление автора об идеальной жизни, модель «правильного» социального устройства. Конструирование «иной» действительности прямо направлено на то, чтобы указать путь для преобразования реального мира, т. е. имеет жизнестроительный и одновременно мифотворческий характер.

Формирование образа утопического государства обусловлено прежде всего спецификой авторского мировоззрения и историческим контекстом. Целью данной статьи является анализ утопии А. П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество». Актуальность выбора темы обусловлена, во-первых, тем, что проза А. П. Сумарокова малоизученна и с именем писателя ассоциируются, как правило, жанры поэтические и драматические. Во-вторых, именно XVIII в. принято считать исходной точкой формирования утопии в русской литературе [1], поэтому утопические проекты писателей этого времени заслуживают специального рассмотрения.

Писатель-просветитель XVIII в. А. П. Сумароков рисуемой им утопии дает наименование «счастливой», изначально подчеркивая ее образцовую природу. Идея счастья в мировой культуре неоднозначна. В разные эпохи под «счастьем» понимались гедонизм, аскеза, служение Богу, блаженство личное или общественное. В утопии «Сон. Счастливое общество» Сумароков предлагает свой взгляд на эту проблему.

Как указывает В. М. Живов [2], в эпоху Просвещения складывается особая мифология государства, частью которой были утопии как выражение социально-этической программы преобразования человека и общества. Мифопоэтическим эквивалентом утопии были Аркадия, золотой век и другие топосы. Они выступали как образец ненарушенной гармонии: из этого мира были изгнаны вражда и раздор, человеческое (социальное) было приведено в согласие с природой, космосом.

Просветительская литература XVIII в. развивалась в русле рационалистических установок. Творчество, в частности литература, должно было приносить пользу, служить целям исправления человеческой нравственности, приведения законов государственного устройства к разумной норме. Автор утопии с этих позиций пытается смоделировать совершенное государство, свой вариант земной Аркадии. «Полезность» подобных мечтаний заключается в том, что писатель обращает внимание на реальные недостатки современной ему России и надеется на их исправление («Дай Боже, чтобы сны, подобные сему, многим виделись, а особливо наперсникам фортуны» [3]).

Счастье в утопии «Сон...» — это воплощение государственной идиллии: по Сумарокову, гармоничное состояние общества, государственных норм и порядков делает человека счастливым. Регламентированность является характерным топосом утопической мысли. Но своеобразие сумароковской утопии заключается в том, что писатель не ограничивает осмысление темы счастья нормативным подходом.

Поскольку мифология государства строилась не вне христианской традиции, а внутри нее, церковь должна была эту мифологию распространять и поддерживать, приспособляя традиционные категории православного сознания к развитию государства. На православную церковь была возложена задача соединить традиционную духовность с культурой, построенной на идее государственного прогресса и монархического всевластия [4]. Таким образом, идея духовно-нравственных ценностей, оставаясь значимой, получила в эпоху Просвещения новое наполнение.

В художественном мире «мечтательной страны» А. П. Сумарокова художественно реализуются все эти принципы. Писатель большое значение придает духовному миру как первоисточнику идеального общества («Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране, есть основание всего народного благополучия», с. 239). Сословие духовных людей в утопии являет образец благочестивой жизни. Автор выделяет следующие важнейшие качества, входящие в понятие «благочестие»:

1) скромность и умеренность («...ни в чем ничего не требуют и довольствуются содержанием без малейшего излишества...», с. 240);

2) отсутствие пороков («...страсти самую малую искру области над ними имеют... Все они люди великого учения и беспорочныя жизни», с. 239);

3) человеколюбие («Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие», с. 240).

А. П. Сумароков, как известно, разделял масонские взгляды. Масонство было широко распространено среди интеллектуальной элиты России XVIII в. Проблемы морали, духовного совершенствования были едва ли не главными в их идеологии [5]. В диссертационной работе «Общество и масонство в России в 30–90-е гг. XVIII в.» Ю. С. Крюкова, основываясь на анализе различных масонских документов, приводит сравнительную таблицу наиболее часто упоминаемых в них добродетелей и пороков. Среди добродетелей исследователь называет следующие: кротость, мудрость, вера, любовь, братолюбие, трудолюбие, повиновение, смирение, благочестие, терпимость, добронравие. Среди пороков — страсти и заблуждения, корысть, высокомерие, желание степеней, гордость, прелюбодеяние, объедение и пьянство. Как отмечается в указанной диссертации, «нет никакого противоречия между идеями масонства и учением христианской религии. Религия... должна была стать наставницею и помощницею святого жития» [6]. В контексте рассматриваемой утопии эта мысль находит дополнительное подтверждение: провести грань между масонскими и христианскими идеями оказывается сложно, они выступают в едином комплексе. Утопические составляющие «благочестия» в понимании Сумарокова отражают как тра-

диционные религиозные взгляды на природу человека, так и ценностную систему масонства.

С религиозных позиций писатель осмысливает законы утопического общества. Автор приравняет гражданский закон к божественному канону. В утопии не приводится цельного свода законов, но писатель указывает некоторые из них, которые позволяют тем не менее сделать вывод об общем характере утопического законодательства. «Сия книга начинается тако: чего себе не хочешь, того и другому не желай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь» (с. 240). В приведенных примерах обнаруживается генетическая связь с библейскими заповедями:

Во-первых, постулат «Чего себе не хочешь, того другим не желай» соотносится с фразой из Евангелия: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [7].

Во-вторых, идея воздаяния по заслугам («за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь») отражена в следующих строках Евангелия: «Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его» [8].

Общие моменты между государственными законами «счастливого общества» и религиозными текстами объяснимы тем, что в основу обоих положен нравственный императив. Христианская аксиология становится источником законов в утопии, обеспечивая регулирование деятельности общества. Изустный характер передачи библейских заповедей определяет то, что в описываемом государстве законы, помимо письменного закрепления, известны гражданам наизусть («Книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть», с. 34). По мнению автора, нравственный закон может заменить государственный (в его традиционном понимании) и способен регулировать государственное устройство.

Таким образом, идеи добродетели, духовности являются исходной точкой для построения Сумароковым модели совершенного общества. Идеальное правление непосредственно основано на нравственных качествах каждого отдельного гражданина. В образе правителя также воплощены идеальные этические представления писателя.

В эпоху Просвещения, пишет В. М. Живов, «идея монарха как установителя социальной гармонии и блюстителя общественного блага соединялась с традиционными мессианистическими представлениями, сформированными в концепции Москвы — Третьего Рима. Монарх превращается здесь в демиурга, в творца нового царства, которое должно преобразить мир. Развитие императорского культа имело решающее значение для построения русской культуры XVIII в. ... он обеспечивал синтез двух разнородных традиций. С одной стороны, традиционная русская духовность, с другой — рационалистическая культура европейского абсолютизма» [9].

Правитель в утопии являет собой образец христианских добродетелей для своего народа. Он терпелив, милостив («Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо... Слабости прощает милосердно», с. 239), справедлив («Достоинство не остается без воздаяния,

беззаконие без наказания, а преступление без исправления»), беспристрастен («...получить его милости нет иной дороги, кроме достоинства», с. 239). «Народная любовь» к государю придает утопическому обществу характер патриархальности.

Для Сумарокова как писателя и общественного деятеля в образе правителя важную роль играет утилитарно-дидактический фактор — служение государственным интересам, т. е. польза. Автор делает попытку представить образ правителя жизнеподобным, сближая его с образом обыкновенного человека, гражданина. Идеальный правитель в утопии «не всегда в делах, но иногда и в забавах упражняется» (с. 239), т. е. ему не чужды простые человеческие интересы, слабости. Однако идея «пользы» в итоге разрушает эту установку, так как даже развлечения государя «всемирной основаны пользе» (с. 239).

Для литературы классицизма традиционным является герой, воспринимающий интересы государства и нации выше личных. Однако, подчеркивая в очередной раз определяющее значение идеи «пользы», Сумароков не обходит и идею славы («Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает», с. 239). Идея «славы» присутствует и в финале утопии, когда автор говорит о заслугах военных людей: «Сим приносят они сугубую славу своему отечеству...» (с. 242).

Подобная позиция обусловлена эволюцией самосознания писателя в XVIII в. «С личностью А. П. Сумарокова истории литературы связывают начало развития авторского самолюбия. Избрав литературу главным делом своей жизни, писатель требовал уважения к себе как к “пииту” и автору... Это обстоятельство имело немалое значение для русской культуры того времени, когда на писателя чаще всего смотрели с насмешкою» [10]. Вероятнее всего, следование принципам «культа правителя» как части государственной мифологии, а также личные взгляды автора на славу как на заслуженное воздаяние и определили то, что Сумароков наделяет правителя, «великого человека» стремлением к славе.

Выстраивая модель счастливого государства, Сумароков заостряет внимание на ряде пороков, которые отсутствуют в идеальной стране. Это вполне закономерно, ведь именно нравственность, по концепции автора, становится опорой государства. Среди пороков, противопоставленных добродетели, в утопии названы:

1) бюрократизм («...во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно... очень мало спорят, а еще меньше пишут», с. 240). Как указывает Г. А. Гуковский, тема осуждения бюрократизма поднимается во многих произведениях писателя, в частности в притчах «Протокол», «Суд», сатире «О худых судьях» [11];

2) взяточничество («За малейшие взятки лишается судья и чина своего и имения», с. 240);

3) сословные привилегии («...в начальники производятся по достоинству...», с. 239; «...и столько же права крестьянский имеет сын быть великим человеком, сколько сын первого вельможи», с. 241).

Сумароков возрождает в утопии реформаторские идеи Петра I. По разработанной в 1722 г. «Табели о рангах» все чиновные категории (военные, гражданские и придворные) делились на 14 классов. Получив 14-й класс, по замыслу Петра I, можно было в зависимости от личных качеств подниматься затем по чиновной лестнице вплоть до первого ранга, что должно было способствовать продвижению достойнейших. А. П. Сумароков полагает, что личные достоинства и заслуги перед государством, а не происхождение, должны быть основанием для получения должности («Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются», с. 241). Подобная система получения чинов способствует в итоге процветанию государства, так как, во-первых, к управлению приходят достойнейшие, а во-вторых, подчиненные готовы уважительно исполнять приказы («...начальники производятся по достоинству, и оттого подчиненные исполняют их повеления с великим усердием», с. 239). Описывая устройство военного приказа, Сумароков подчеркивает, что, прежде чем занять высокое положение, нужно пройти все ступени, от низшей к высшей («Всякий военачальник и все воинские начальники прежде быть рядовыми, все нижние степени пройти и все оных исполнения познать и в них совершенно углубиться одолжены», с. 241). Глубокое знание воинской жизни, получаемое таким путем, позволит военачальнику в будущем грамотно командовать войсками и в итоге будет содействовать пользе государства.

Отношения в «совершенном» войске повторяют модель отношений во всем государстве и строятся на строгой иерархии и подчинении: «воины по степеням исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением: воины делают им (начальникам) великое почтение» (с. 241). Описание военного приказа реализует те идеи, которые были высказаны ранее в утопии: нравственной основы любой деятельности и достижения высокого положения благодаря личным достоинствам, а не происхождению.

Идеал общественных отношений, по Сумарокову, это взаимное уважение, «братолюбие». Гармоничное общественное устройство заключается в том, что закон «чего себе не хочешь, того другим не желай» исключает любые конфликты, утверждая миролюбие и доброжелательность в качестве универсальных принципов любых отношений. Взаимные почтительные отношения между начальниками и подчиненными, всеми гражданами в целом определяют то значение, которое имеет слово в обществе («Подчиненные так обыкли повиноваться своим начальникам, что во время распада единым словом обуздываются...», с. 242). Слово наделяется в утопии реальной силой, способной влиять на людей.

XVIII в., отмечает Ю. М. Лотман, был веком теорий. Особенно это относится к России, которая сознательно строила свою культуру как «новую», подлежащую реконструкции на основе идеальных теоретических моделей. Теория — будь то теория государственности, проекты построения идеальных городов (Петербург), создание грамматики или построение теории литературных жанров — не была абстракцией, а тяготела к идеалу, утопии, к которым жизнь призвала стремиться [12].

В духе литературы своего времени, взявшей на себя функции воспитания монарха и народа, Сумароков создает утопическую концепцию государственного устройства. Счастливое общество в утопии строится на ключевых мировоззренческих принципах эпохи Просвещения: рационализме, установке на «полезность», идее просвещенной монархии, культа государства. На основании всеобщего благополучия, по мысли автора, является все же нравственность, духовный стержень общества, поэтому даже законы «мечтательной страны» имеют религиозные (христианские) истоки. Типологическая черта большинства утопий — резкая противопоставленность идеальной утопической модели и несовершенной действительности — отсутствует в данном произведении. Писатель утверждает в финале, что принципы управления «счастливого общества» могут быть перенесены в любое другое общество и что утопия содержит необходимые предпосылки для реконструкции «несовершенства естества»: «увидел я... благополучия общества, приведенного в такое состояние, какого несовершенство естества достигнуть может» (с. 242). Таким образом, авторский идеал в утопии — просвещенная монархия, основанная на духовных, нравственных ценностях общества.

Примечания

1. *Кожевников В. М., Николаев П. А. и др.* Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 459–460.
2. *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII в. // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 657–658.
3. *Сумароков А. П.* «Сон. Счастливое общество»: Русская литература XVIII века. 1700–1775: Хрестоматия. М., 1979. С. 242. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
4. *Живов В. М.* Указ. соч. С. 666.
5. *Мстиславская Е. П.* Концепция историко-политического прочеса в России XVIII в. в произведениях Сумарокова // Александр Петрович Сумароков. Жизнь и творчество. М., 2002. С. 42.
6. [Электрон ресурс]. Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss.aspx?orig=/05/0034/050034038.pdf> С. 65–67.
7. Евангелие от Матфея. 7:2–18.
8. Евангелие от Матфея. 16:24–17:9.
9. *Живов В. М.* Указ. соч. С. 664.
10. *Рожкова Т. И.* «А. П. Сумароков — дворянин и стихотворец сверх того» // V Ручьевские чтения. Магнитогорск, 1998. С. 38–39.
11. *Гуковский Г. А.* О «Хоре ко превратному свету» // XVIII век. М.; Л. Вып. 1. С. 181–217.
12. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII–XIX вв. // Из истории русской культуры. С. 128.